

КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Балуца Т.П.

Одесский национальный экономический университет

В статье речь идет о кризисе национальной идентичности. Проблема идентичности остро встает как перед отдельно взятыми индивидами, так и разного рода сообществами, этносами, народами, государствами. Вызовы, порожденные глобализацией и новейшими информационно-телекоммуникационными, био-, нано- и иными высокими технологиями, способствовали резкому обострению проблемы национально-культурной идентичности, которая сегодня превратилась в одну из важнейших проблем, тревожащих как мыслящее человечество в целом, так и научное сообщество в особенности.

Ключевые слова: глобализация, кризис эпохи, этничность, культурная стандартизация, глобальные трансформации, противоречивость процессов, информационные потоки, межгосударственные противоборства, модернити.

Анализируя социально-политические последствия глобализации, нельзя обойти вопросы о национально-культурной, цивилизационной идентичности.

Вызовы, порожденные глобализацией и новейшими информационно-телекоммуникационными, био-, нано- и иными высокими технологиями, способствовали резкому обострению проблемы национально-культурной идентичности, которая сегодня превратилась в одну из важнейших проблем, тревожащих как мыслящее человечество в целом, так и научное сообщество в особенности.

О значимости этой темы можно судить, если учесть, что, говоря словами Э. Баумана, интерес к ней «может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления», ибо вне этноса нет ни одного человека на земле.

В этом контексте можно говорить о **кризисе национальной идентичности**. Проблема идентичности остро встает как перед отдельно взятыми индивидами, так и разного рода сообществами, этносами, народами, государствами. Обосновывая тезис о глобальном характере кризиса идентичности, ныне покойный С. Хантингтон писал: «Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии (вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранцев нередко описывают как «народ в поисках идентичности», теми же поисками увлечена Южная Африка, а Китай ведет «борьбу за национальную идентичность» с Тайванем, поглощенным «задачей разложения и переформирования национальной идентичности».

По его мнению, этот кризис ощущается в Сирии, Бразилии, Алжире, Мексике, Германии, Великобритании, США, России и других странах. «Иными словами, – утверждал Хантингтон, – кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно, то есть носит глобальный характер» [1].

Кризис идентичности в разных странах приобретает разные формы. Но общим для него является такие явления как потеря памяти об историческом прошлом, в крайней форме выражающейся в своего рода манкуртизме, отрицании национальных символов, утрате веры в национальный идеал или миссию национального государства, разрыв между реальным и должным, жажда разрушения традиций, что особенно характерна для так называемого «креативного класса», обесценение ценностей и все

более разрастающаяся деабуизация, т.е. отказ от веками выработанных норм морали и правил поведения, прерывность в истории, разного рода расколы в обществе, делегитимация существующей государственной власти и др.

Как писал В. Хёсле, сущность кризиса идентичности «состоит в отвержении самости со стороны «я». Это отвержение может не быть совершенно открытым; «я», испытывающее презрение к своей самости, может попытаться обмануть себя с помощью лихорадочной деятельности, которая, подобно бессмысленному путешествию, имеет только одну цель – отвратить внимание «я» от своей «самости» [2].

Кризисы коллективной идентичности, способствуя быстрому и радикальному перераспределению власти и ресурсов, создают условия для великих исторических кризисов. В этой связи необходимо не забывать, что любое государство, каким бы прочным оно ни казалось с первого взгляда, рано или поздно обречено на нестабильность и распад, если все или, во всяком случае, большинство его граждан перестают принимать базовые ценности общества, легитимность существующей власти и не выказывают готовность подчиняться её законам. Лорд Брайс как-то говорил, что даже Римская империя основывалась не столько на силе, сколько на согласии и доброй воле ее подданных. По справедливому замечанию И.А. Ильина, сущность государства состоит в том, что все его граждане имеют и признают – помимо своих различных и частных интересов и целей – еще единый интерес и единую цель, а именно, общий интерес и общую цель.

Тем не менее, кризис идентичности не следует оценивать однозначно отрицательно. Он может стать отправной точкой для переоценки старой и формирования на её основе новой идентичности. Как правило, те или иные национальные идеи появляются в поворотные эпохи, эпохи кризисов и служат средством консолидации соответствующего народа. В то же время результатом кризиса идентичности может стать возврат к архаичным, утратившим свою способность оперативно и успешно реагировать на возможные угрозы. Нестабильность, дезориентация, неопределённость, порождаемые кризисом идентичности, могут стать благоприятной почвой для победы авторитарных и тоталитарных идеологий и политических режимов.

На первый взгляд, парадокс состоит в том, что эрозии идентичности способствуют две, казалось бы, противоположные тенденции, характерные для современного мира. Речь идёт о глобализации,

интернационализации, универсализации, с одной стороны, и фрагментации, дезинтеграции, локализации, дифференциации – с другой. Сначала обратимся к анализу первой тенденции.

Наиболее очевидная и видимая на поверхности **причина кризиса идентичности** – это, несомненно, комплекс факторов, в числе которых ключевое значение имеют глобализация важнейших сфер общественной жизни. Грандиозный скачок в развитии транспорта и сферы информационно-телекоммуникационных технологий, нарастающие потоки миграции населения во всех регионах земного шара и др. Особенность современного этапа мирового развития состоит в том, что процесс изменений и сдвигов наряду со сферой экономики глубоко затронул политическую, социокультурную и духовную сферы, идеи и образы мысли, сферы экологии, эпидемиологии, связанной с распространением вирусных заболеваний, и т.д. Весь мир в целом и отдельные регионы в частности стали в беспрецедентной степени изменчивыми и динамичными.

Соответственно на международной арене народы и государства сталкиваются с более неустойчивыми, неопределенными и непредсказуемыми проблемами, чем в любой из прежних исторических эпох. Создалось новое положение, характеризующееся несоответствием традиционных идейно-политических установок и ориентаций реальным проблемам современности. Наблюдается все более четко проявляющаяся тенденция к интенсификации трансграничных экономических, политических, социальных, культурных и иных связей. Таким образом, государственно-территориальные границы становятся все более прозрачными, или, как говорят, транспарентными. В некоторых сферах, таких как международный капитал, потоки информации, государства либо вообще теряют контроль, либо вынуждены расходовать огромные ресурсы для сохранения своего контроля [3].

Неуклонно растёт число людей, теряющих этнические или национальные корни, считающих себя космополитами, либералами в самом широком смысле этих понятий, гражданами мира, что подвергает эрозии многие ценности. Принципы, институты, понятия, такие как родина, национальный суверенитет, неприкосновенность государственных границ, невмешательство во внутренние дела государства, гражданство, патриотизм и др., служащие скрепами тех форм самоорганизации человеческих сообществ, которые действуют уже несколько веков.

Значительную лепту в эти процессы вносят все более возрастающие потоки миграции людей из Азии, Африки и Латинской Америки в индустриально развитые страны. Потоки людей, информации, идей, технологий, культурных образцов в обоих направлениях – с Запада на Восток и с Востока на Запад, с Севера на Юг и с Юга на Север (понимаемые в самом широком смысле слова) – ведут к подрыву территориального императива, в течение тысячелетий лежащего в основе самого феномена государственности. Для многих народов западного мира весьма трудным становится ответить на сакраментальный вопрос «кто мы?» Последняя книга С. Хантингтона посвящена проблемам идентичности в США так и называется «КТО МЫ?» [1].

Действительно, наглядное представление об этом феномене можно получить на примере США

и России. В США некоторые признаки кризиса национальной идентичности начали обнаруживаться уже в 60-х-70-х годах прошлого века. Как известно, считается, что в США, начиная, во всяком случае, с периода Войны за независимость, каждая очередная волна иммигрантов с разных концов земного шара переплавлялись в так называемом «плавильном котле» в единую американскую нацию. При всех возможных оговорках, касающихся ассимиляции негров, а также иммигрантов из стран Азии и Латинской Америки, специалисты едины во мнении относительно существования единой американской нации и единой американской национальной идентичности.

Также принято считать, что Америку отличает от остальных стран некая особая вера, «американское кредо», сформировавшееся на основе англо-протестантской культуры отцов-основателей. Её ключевыми элементами являлись английский язык, десять библейских заповедей, английские представления о верховенстве права, ответственности правителей и правах человека, а также протестантские ценности – индивидуализм, трудовая этика, убежденность в том, что люди могут и должны создать рай на земле – или «град на холме». Однако в 60-х годах прошлого века американской национальной идентичности «стали угрожать идентичности субнациональные, двунациональные и транснациональные».

По мнению Хантингтона, эта угроза коренится в таких факторах как новая волна иммигрантов из Азии и Латинской Америки, растущая популярность доктрин мультикультурализма и диверсификации. Распространение испанского в качестве второго языка на территории США и испанизация части американского социума, утверждение групповых идентичностей, основанных на понятиях расы, этноса и пола, растущее влияние диаспор, крепнущая приверженность элит космополитизму и транснациональным идентичностям.

Это в свою очередь связано с тем, что начиная с середины 60-х годов прошлого века, стала наблюдаться тенденция к подъему этнического самосознания, углублению линии разделения различных этнических групп и даже усилению межэтнических конфликтов. Советский этнограф Н. Я. Дарган писал: «Усиливается сознание принадлежности к разным этническим группам, из которых состоит американская нация: даже лица скандинавского и венгерского происхождения, сравнительно сильно ассимилированные в США, начинают вспоминать о своих этнических корнях. Это выражается, в частности, в написании своих имен и фамилий по традиционной орфографии, позволяющей определить этническое происхождение (в первой половине века они стремились к максимальной англизации в орфографии)». Как будто неожиданно возник феномен так называемых «дефисных американцев»: итаलो-американцев, ирландо-американцев, германо-американцев и т.д., не говоря об афро-американцах и все более растущих потоках так называемых чиканос из Мексики и других стран Латинской Америки. Эта тенденция приобрела широкий размах с развертыванием процессов глобализации и информационно-телекоммуникационной революции, оборотной стороной которых, как уже указывалось, являются фрагментация, возрождение локализма, этнизма, религиозных верований и т.д.

С ростом иммиграции из азиатских и латиноамериканских стран беспрецедентно изменяется на-

циональный состав населения. Если к началу 70-х годов XX века в США насчитывалось примерно 9 млн. родившихся за их пределами, или некоренных американцев, то к началу нового века их число **перевалило за 30 млн.** Каждый год в США прибывает почти миллион официальных иммигрантов – плюс почти полмиллиона нелегальных. Причем, подавляющее большинство всех иммигрантов – это выходцы из стран Азии, Африки и Латинской Америки. В настоящее время в этой стране насчитываются примерно 45,5 млн. латиноамериканцев, что составляет 15% от общей численности населения. Вторым по численности меньшинством являются чернокожие, которых в стране 40,7 млн. (13,5%), далее следуют выходцы из Азии – 15,2 млн. (5%) [4].

Все восточное побережье Атлантики с центром в Нью-Йорке перестало быть пространством англосаксов. Это в полном смысле полурасовое общество, характеризующееся неуклонным убыванием «расово-чистого» белого элемента. На карте США появляются многочисленные цветные города (Майами, Детройт, Атланта, Вашингтон, Новый Орлеан, Нью-Йорк и др.)

Постоянный поток испанноговорящих иммигрантов угрожает разделить США на два народа, две культуры, два языка, поскольку мексиканцы и другие латиноамериканцы с трудом ассимилируются в господствующую американскую культуру, нередко отвергая англо – протестантские ценности. [4]

С учетом названных процессов ряд американских специалистов, применительно к Америке все же используют традиционное понятие «плавильного котла» или «тигля». Как признает Ральф Эйли: «В США, так же, как и в Канаде, вместо «плавильного котла» получился многослойный пирог с дымящейся шашкой вместо начинки. Когда взорвется никто не знает, но все знают, что взорвется обязательно»[5]

В этих условиях многие исследователи предпочитают использовать выражение «крупно нарезанный салат». Такая замена подразумевает, что американцы представляют собой конгломерат представителей множества народов из разных регионов земного шара, которые отнюдь не спешат полностью интегрироваться в единую нацию. Оценивая наличие этих тенденции, Л. Миллер констатировала: «на исходе столетия Америка стала менее западной, менее беглой и менее англосаксонской». Обоснованности этого тезиса свидетельствует тот факт, что, согласно новейшей статистике Федерального бюро переписи населения, уже в 2012 году в США люди с белым цветом кожи со временем перестанут составлять большинство. В семьях, принадлежащих к этническим меньшинствам, рождается больше детей, в результате чего расовая структура американского населения меняется: дети с белым цветом кожи «остаются в меньшинстве».

Комментируя эти тенденции, профессор социологии Гарвардского университета Р. Хэррисон пришел к выводу: «Наступление новой этнической эпохи в нашей стране воистину является историческим явлением. Отныне расовая трансформация страны неизбежна».

Все это означает, что в один прекрасный день белое большинство населения европейского происхождения в США действительно может оказаться в меньшинстве. П. Бьюкенен поэтому с тревогой предупреждает, что неуправляемая миграция грозит уничтожить страну, в которой мы выросли, и превратить Америку в хаотическое скопление наро-

дов, не имеющее фактически ничего общего между собой – ни истории, ни фольклора, ни языка, ни культуры, ни веры, ни предков. Некоторые американские исследователи говорят об угрозе «банка нации». И даже Хантингтон высказал опасение, что США могут в этом отношении повторить судьбу СССР. Естественно, эти процессы и тенденции не могут не отразиться на американской национальной идентичности. При их оценке некоторые авторы идут настолько далеко, что говорят о подспудной, но все более явно проявляющейся тенденции к демографической «ориентализации» (понимаемой в самом широком смысле) западного мира, или же об «экзистенциальном кризисе», поджидающем Запад. А П. Бьюкенен даже предсказывает Западу неминуемую смерть.

Дело в том, что мигранты, решая одну проблему (нехватка рабочей силы в развитых странах), создают новую, еще большую проблему для страны пребывания – диаспорные «государства» без территории и границ. Возникает ситуация в чем-то аналогичная временам (и причинам) падения Древнеримской империи.

В США и Западной Европе уже формируются анклав культуры, отличных от доминирующей. По сути, столкнулись две изотерические стратегии, связанные с двойными стандартами. Двойные стандарты запада состоят в том, что его эмиссары одновременно и навязывают Востоку вестернизацию, и в тоже время склонны к тому, чтобы монополизировать прогресс по праву расового превосходства. Двойные стандарты Востока состоят в том, чтобы одновременно овладеть Западным прогрессом в качестве технологии, но не дать ему овладеть сознанием (не допустить культурной капитуляции).

В ответ на разрушительную культурную и экономическую экспансию «вестерна» Восток отвечает демографическим контрударом. Запад своей разрушительной экспансией создает экономический вакуум на Юге, но при этом, по другому, демографическому критерию, он сам становится зоной вакуума. Именно эти проблемы стали объектом пристального внимания Хантингтона.

Похоже, именно не западный мир бросает транскультурный вызов, активно формируя на западе поликультурное общество на свой манер. Восток смотрит уже не со стороны, а изнутри самого Запада. Среди американцев крепнет ощущение, что общество становится более плюралистичным отнюдь не по западной парадигме [6].

На Западе уже звучат голоса о том, что если в XIX веке Европа колонизировала Африку, то в двадцать первом – Африка колонизирует Европу.

Стремительные изменения в мире в конце XX – начале XXI века, связанные в первую очередь с нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации, резко обострили проблему национальной идентичности. Никогда ранее в мировой истории эта проблема не стояла столь судьбоносно, даже фатально. И никогда ранее она не охватывала практически все государства и народы мира. Сегодня большинство стран мира, вовлеченных в процесс глобализации, вынуждено решать проблемы идентичности в условиях, при которых необходимо войти в глобализирующийся мир и, одновременно с этим, сохранить свою национальную идентичность.

На современном этапе развития кризис национальной идентичности приобрел такие формы

и масштабы, что его преодоление для многих из стран означает уже не только выбор адекватной конкурентоспособной стратегии развития, но и превратилось в вопрос национального выживания.

Интеграция мирового сообщества, интернационализация образов жизни, появление наднациональных объединений (Европейский союз, ООН, НАТО, ЕвразЭС), образование глобальных транснациональных корпораций, увеличение роста миграционных процессов и развитие международного рынка труда, развитие телекоммуникационных технологий, разрушающих единый ритм национальной жизни за счет создания альтернативного виртуального времени и пространства – все это требует переосмысления национальной идентичности, жизнеспособность которой все чаще ставится под сомнение [7].

Целый ряд нарастающих и весьма противоречивых процессов глобализации непосредственно влияют на обострение кризиса национальной идентичности. Такие процессы глобализации, как демократизация, экономизация, информатизация, культурная стандартизация, ценностная универсализация, глобальная миграция, неизбежно наталкиваются на национальную идентичность как на препятствие своему естественному развитию, как на центральное ядро, хранящее наиболее устойчивые, накапливающиеся порой тысячелетия и поэтому наиболее прочные представления различных этнонациональных общностей о себе самих.

При этом развиваются многообразные конфликты, исход которых зависит от прочности или рыхлости сложившихся национальных идентичностей, их бескомпромиссности и жесткости, невосприимчивости к новому, или, напротив, их гибкости, способности к адаптивному изменению, обновлению без утраты культурных идентификационных ядер.

Информатизация, формирующая единое мировое информационное пространство, создавая глобальное сетевое общество, открывает гражданам охваченных ею стран доступ ко всем материальным и духовным благам, умножает интеллектуальный ресурс, а следовательно, и все другие ресурсы, способствуя устойчивому развитию, достижению благополучия и безопасности личности и общества.

С другой стороны, информационные технологии не являются абсолютным благом: они создают новые возможности для контроля и манипуляции массовым сознанием во внутренней политике и новые эффективные средства воздействия на национальные сообщества. Со стороны наиболее информационно оснащенных в этом отношении государств в рамках межгосударственного противоборства, следовательно, создают и новые угрозы национальной идентичности. Кроме того, глобальные информационные потоки объективно ведут к размыванию идентичности.

Культурная стандартизация, будучи в определенной степени следствием информационной открытости, взрывает некогда замкнутые культурные идентичности. При помощи сверхсовременных информационных технологий, сопротивление которым невозможно, глобализация раз и навсегда взламывает казавшиеся ранее незыблемыми, как скала, барьеры между различными культурами, вовлекая их в водоворот всемирной конкуренции. В этом водовороте выживают лишь те культуры, которые оказываются способными к адаптации в стремительно меняющемся мире, научились вос-

принимать новейшие достижения мировой цивилизации, при этом не теряя своей самобытности.

Яркий пример такой адаптации – японская культура. Впрочем, противоположных примеров гораздо больше: это и испанская, и турецкая, и мексиканская, и аргентинская, и много других культур, не выдержавших столкновения с натиском культурной унификации, порожденной глобализацией. Массовая культура глобализации в этих случаях оказалась сильнее культурного ядра национальных идентичностей, которые в условиях глобализации сохранились лишь как культуры фольклорные: испанская коррида, турецкий ислам, мексиканская кухня, аргентинское танго. Во всех этих случаях глобализация перемолола культурные ядра национальных идентичностей, сделав граждан этих стран «гражданами мира», и оставила от этих ядер лишь некий набор туристических курьезов.

Очевидно что вслед за этими странами уже идут все без исключения страны Восточной и Центральной Европы (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния), страны Балтии, в последнее время, похоже, Грузия, Украина и Молдова. На очереди – Великобритания, Франция, Германия. Они сопротивляются, поскольку имеют большую «историческую» культурную глубину. И, наконец, самые «крепкие орешки» в этом отношении – это Китай, Индия и Россия, имеющие более чем тысячелетнюю культурную историческую традицию.

Однако слишком уповать на это обстоятельство не стоит: глобализация перемелет и их, если культурные ядра национальных идентичностей этих стран не окажутся достаточно адаптивными к происходящим стремительным переменам в экономике, технологиях и социальной жизни. До нынешнего момента все эти три культуры – и это признают все серьезные наблюдатели – демонстрируют свои высокие адаптационные способности. Именно эти три культуры рационализировали свою национальную, а затем и политическую идентификацию всегда, когда они сталкивались с чужеродными культурами, утверждающими иные культурные стандарты.

Более того, вопрос об идентификации в этих трех культурах остро вставал именно в условиях давления чужих культурных стандартов, попыток других культур навязать им эти чужие стандарты. Отторжение чужих стандартов стимулировало в этих трех культурах процесс собственной культурной идентификации. В то же время во всех трех случаях был продемонстрирован поразительно высокий адаптационный потенциал: Индия «переварила» британскую культуру; Россия «переварила» два западных проекта – либеральный и коммунистический; Китай «переварил» коммунизм в его советской интерпретации, а сейчас, похоже, «переваривает» не только западный экономический либерализм, но и американский культурный глобализм.

Сказанное, однако, не означает, что эти три страны абсолютно гарантированы от угрозы культурной стандартизации и обладают стопроцентно надежными культурными иммунными системами, способны противостоять вызову культурной стандартизации. Решающая битва за национальную идентичность еще впереди. И ее исход главным образом зависит от того, смогут ли эти три культуры противопоставить глобализации более мощные и убедительные национальные проекты.

Утрата национальной идентичности ведет, как показывает мировая практика, к потере не только национальных ценностей ориентиров, но и значительной части национального суверенитета государств. Это в свою очередь означает отказ от собственных национальных интересов, неспособность этих государств к самостоятельной, как внутренней, так и внешней, политике. И напротив, четкое самоопределение, твердая опора на национальные идентификационные коды открывает возможность проводить свой собственный внутри и внешнеполитический курс, основанный на глубоко осознанных и четко сформулированных национальных интересах.

В условиях повсеместного и всеобъемлющего кризиса национальной идентичности каждое государство, даже из числа тех, которые добровольно и сознательно передают значительную часть своего национального суверенитета более мощным государствам и межгосударственным объединениям, делает все возможное для его преодоления. Поскольку идентичность является важным структурным компонентом конкурентоспособности национальных государств, она сама вовлекается в водоворот всемирной конкуренции. Идет «битва идентичностей». В этой конкурентной борьбе пощады нет никому. И выигрывают те государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу. Государства, слабые в этом отношении, вынуждены лишь наблюдать, как их национальные идентичности стремительно и неизбежно растворяются в процессах глобализации.

С другой стороны, сопротивляться процессам глобализации не только невозможно, но и контрпродуктивно. Овладев ее «правилами игры», следует использовать те возможности, которые она предоставляет, а желательно – и влиять на эти правила. Необходимо по возможности быть не только объектом, но и субъектом глобализации. Каждая без исключения страна является ее объектом. Но лишь немногие – субъектами. Например, Япония – это и объект, и субъект глобализации. Испытывая давление американизации, она является ее объектом. Но трансформируя заимствованные ценности, она выступает в роли субъекта глобализации, передавая их в адаптированном виде азиатским странам.

Чем сильнее процессы глобализации проникают в национальные культуры, тем активнее народы стараются сохранить такие внутренние компоненты жизни народа, как культура, язык, религия. В результате в период глобальных трансформаций обостряются проблемы национальной идентичности, связанные со стремлением народов к самобытности и к самоопределению.

Неизбежные процессы глобализации, взламывающие вековые уклады национальных культур, приводят зачастую к межнациональной, межрелигиозной напряженности, часто выливающейся в конфликты, с вытекающими отсюда человеческими жертвами. Именно межнациональные отношения в современном мире стали сегодня одной из главных проблем.

Таким образом, последствия глобализации для национальной идентичности весьма противоречивы. Она создает как новые, невиданные ранее возможности для развития и процветания различных стран, так и новые, крайне опасные вызовы и угрозы. В условиях информационной открытости всего мира, повсеместной доступности СМИ, прежде

всего телевизионных, появляется широкая возможность выбора, что бросает вызов как отдельным индивидам, так и целым национальным сообществам. В числе последних оказывается и национальное государство, культурное ядро которого размывается. Его подменяют глобально узнаваемые символы, которые рождает общее пространство информации и коммуникаций.

Подъем национализма во всем мире, включая развитые страны Запада, дробление национальных сообществ на более мелкие, т. е. субнациональные, являются ответами на вызовы культурного глобализма через утверждение «осязаемых» этнокультурных ориентиров идентичности.

Как уже отмечалось, наряду с процессом размывания идентичности под ударами глобализации идет встречный процесс: народы все больше проявляют повышенный интерес к традициям своей этничности, национальной и религиозной самобытности.

В силу новых, доселе невиданных возможностей и открытости неизменными спутниками глобализации, как бы ее оборотной стороной стали фрагментация и дифференциация, возрождение этнизма, национализма, различных форм фундаментализма, приверженностей традиционным, религиозным ценностям и т.д. Если глобализация способствует размыванию национально-государственных границ, и, соответственно, национально-государственной идентичности, составляющие ее оборотной стороны, наоборот стимулирует возрождение, во всяком случае, в сознании людей ображаемых границ разного рода субнациональных этнических, конфессиональных, культурных, языковых и иных общностей, подпитывая соответствующие идентичности.

Человеку всегда необходимо ощущать себя частью «мы». Одна из главных культурологических причин возрастание этнической идентичности во второй половине XX века – поиск ориентиров и стабильности в перенасыщенном информацией нестабильном мире. А вторая, психологическая, причина связана с интенсификацией межличностных контактов как непосредственных, так и опосредованных (через средства массовой информации). Наряду с возрастанием миграционных потоков, неуклонно растет и число туристов. Если за весь 1980 год количество международных туристов и путешественников составило всего лишь 1 миллион человек, то в 2005 году оно возросло в 1000 раз (!!!)

Поэтому весьма типичной реакцией на угрозу потери идентичности является активизация национализма. Причем, следует отметить, что в современных условиях национализм нередко принимает весьма жесткие, в том числе огосударствленные формы. Некоторые отмечают, что усиление роли этнонациональных ориентаций – не столько политическая, сколько социально-культурная и социально-психологическая тенденция, которая представляет собой своеобразный ответ личности на вызов глобализации.

По сути это обратная сторона глобализационного процесса (глобализация и дифференциация неразрывно связаны). Ибо с установлением единства и системного мира все более четко выявляется необходимость автономной идентичности всех его механизмов: личности, группы. Это важнейшее условие функционирования системы.

На рубеже третьего тысячелетия обозначился массовый поворот к старым ценностям, вплоть до этнически – трайбалистическим началам, к рели-

гиозно – цивилизационному единству отдельных частей мирового населения как к своему новому универсуму. Срабатывает «закон маятника»: всякое действие (глобализация) вызывает противодействие.

Даже умеренные оптимисты американские футурологи А.Т. и Х.Т. Тоффлер видят в качестве главной угрозы трансформацию ограниченных межгосударственных войн в ничем неограниченные этнические конфликты: «Уже сейчас не так много стран, чьи граждане готовы отдать жизнь за свое государство, но, увы, растет готовность жертвовать жизнью за этнически – религиозную идентичность. Мы пробили стену нерушимости государственных границ, и назад дороги нет» [7].

Прежде эти различия камуфлировались идеологическими одеждами, ныне камуфляж отброшен и культура, традиции, т.е. цивилизационные отличия целых регионов друг от друга стали очевидными. По мысли Хантингтона, основные цивилизационные парадигмы образуют почти непроходимые рубежи.

Вырвавшиеся демоны собственного исторического опыта, традиции, религиозные воззрения, исконные ментальные коды, собственные языки, ожившие воспоминания об униженной гордости – это разрывание «чумных» курганов прошлого – может иметь далеко идущие последствия.

Активизация национального и религиозного сознания, особенно в экономически отсталых странах – естественная реакция на разрушение связей с традиционной общностью, ослаблением национального государства, проникновением «чужих» идей, целей и моделей поведения.

И так результат – разрушение социальных оболочек, структурирующих общество (институты, нормы, ценности, табу) и утверждение простейших начал и в первую очередь национализма. А далее распад мирового сообщества до уровня языковых общностей, которых в мире порядка 600. Национальные конфликты, проявление фундаментализма и религиозной нетерпимости, нарастание которых идет сегодня, тому подтверждение. Мир XXI века может стать большой Африкой.

И в завершении этого подраздела нельзя не отметить, что далеко не все авторы разделяют точку зрения, будто идентичность является жертвой гло-

бализации. Например, М. Кастельс посвятил целый том своего знаменитого анализа «Информационной эпохи» постулату, что «наш мир и наша жизнь формируются противоборствующими процессами развития глобализации и идентичности».

Так согласно Кастельсу, основная особенность неприятия власти глобализации заключается в «широкой и мощной демонстрации коллективной идентичности... проявляющейся в культурном своеобразии и контроле народа над своей жизнью и окружающей средой». Здесь идентичность видится не как нежный цветок под пятой глобализации, а как сила локальной культуры, которая оказывает сопротивление – пусть даже неорганизованное и порой политически реакционное – центрубежной силе капиталистической глобализации [8].

Этот взгляд на «силу идентичности» может разделять любой из тех, кто наблюдает за стремительным ростом социальных движений в защиту позиций идентичности (движения за права женщин, религиозные, этнические, национальные движения). Влияние глобализации становится вопросом взаимодействия институционально-технологического фактора как стимула к глобальности, с «локализирующими» силами, выступающими в качестве противовеса. Стремление к «глобальности» сочетает в себе логику капиталистической экспансии с быстрым развитием средств массовой коммуникации. Но этому стремлению противостоят различные процессы и практики, отражающие различные степени «локальности», такие как движения в защиту культурной идентичности, локальные потребительские предпочтения.

Эта более сложная формула ясно показывает, что культурная идентичность едва ли станет легкой добычей глобализации. Идентичность – это не просто некая хрупкая общественно-духовная общность, а важное измерение институционализированной социальной жизни в обществе модернити. Особенно в доминантной форме национальной идентичности это измерение является продуктом целенаправленного конструирования и поддержания культуры через регулирующие и социализирующие институты государства – закон, систему образования и средства массовой информации.

Список литературы:

1. Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2004.
2. Хесли В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. // Вопросы философии. – 1994 г. – № 10. – С. 112-123.
3. Качан Т.А. Кризис национальной идентичности в условиях глобализации. М., 2010.
4. Пономарев М.В. История стран Европы и Америки в Новейшее время. М. : Проспект – 2010. – 416 с.
5. Эйли В., Эйли Р. Эмиграция в Северной Америке. Помните советы русских канадцев. М., 1997. – С. 34.
6. Маньковская И.А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира // Полит.исслед. – 2005. – № 12. – С. 12.
7. Тоффлер. Третья волна / пер. с англ. М.: АСТ. – 2004 г.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

Балута Т.П.

Одеський національний економічний університет

КРИЗА НАЦІОНАЛЬНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ В УМОВАХ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ

Анотація

У статті йдеться про кризу національної ідентичності. Проблема ідентичності гостро встає як перед окремо взятими індивідами, так і різного роду співтовариствами, етносами, народами, державами. Виклики, породжені глобалізацією і новітніми інформаційно-телекомунікаційними, біо-, нано і іншими високими технологіями, сприяли різкому загостренню проблеми національно-культурної ідентичності, яка сьогодні перетворилася на одну з найважливіших проблем, що тривожать як мисляче людство в цілому, так і наукове співтовариство особливо.

Ключові слова: глобалізація, криза епохи, етнічність, культурна стандартизація, глобальні трансформації, протиріччя процесів, інформаційні потоки, міждержавні протиборства, модерність.

Baluta T.P.

Odesa National Economic University

CRISIS OF NATIONAL IDENTITY IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Summary

In the article the question is about the crisis of national identity. The problem of identity sharply gets up both before the separately taken individuals and different family by associations, ethnoss, people, states. Calls, descendant globalization and newest informative, telecommunication, bio-, nano and another high-tech, assisted the sharp intensifying of problem of national and cultural identity, that today grew into one of major problems, disturbing both intellectual humanity on the whole and scientific association in particular.

Keywords: globalization, crisis of epoch, етничность, cultural standardization, global transformations, contradiction of processes, dataflows intergovernmental opposing, modern.